

ФЕНОМЕН МЕТАРОМАНА ТОМАСА БЕРНХАРДА

(Котелевская В.В. Томас Бернхард и модернистский метароман: монография. Ростов р/Д.; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2018. 352 с.)

В западноевропейском литературоведении творчество австрийского прозаика и драматурга Томаса Бернхарда (*Thomas Bernhard*, 1931–1989) изучено достаточно полно: исследования последних десятилетий лишь уточняют этот особый немецко-австрийский феномен в новых историко-эстетических обстоятельствах. Но и в отечественной науке градус культурного и интеллектуального внимания к романам Бернхарда, ярким литературным образцам европейского модернизма, остается очень высоким.

Монографическое исследование В.В. Котелевской впервые в отечественном литературоведении раскрывает суть феномена Бернхарда, саморефлексивность его поэтики и языковое мастерство. Творчество австрийского мастера исследуется в парадигме модернистского метаромана – специфической художественной формы, концептуализирующей жизнь как письмо. Весь XX век отмечен смелыми экспериментами с литературными жанрами, когда активной становится важная составляющая литературы – саморефлексия как художественного текста, так и его создателя. Формируемая парадигма метаромана (англ. *metafiction*, нем. *Metaroman*), в которой конструктивным элементом поэтики выступает саморефлексия, обнажает внутренний механизм написания текста: писатель выступает одновременно и субъектом, и объектом своей художественной мысли.

В.В. Котелевская прослеживает рождение уникального авторского стиля Бернхарда, в творчестве которого поэтология выходит на передний план. «Поздний сын модернизма» (эту характеристику, данную Т. Манном Ницше, В.В. Котелевская по аналогии переносит на свой предмет), Бернхард в своём творчестве обозначает знаковые проблемы XX в.: топос настойчивого поиска истины (фаустианская модель), обостренное чувство лживости языка (с. 49), изоляционизм творческой личности, осознание мира как текста и жизни как наррации.

В поле исследования – романы «Стужа» (*Frost*, 1963), «Амрас» (*Amras*, 1964) «Корректур» (*Korrektur*, 1975), «Бетон» (*Beton*, 1982), «Изничтожение: Распад» (*Auslöschung. Ein Zerfall*, 1986), малая проза и некоторые драматургические произведения Томаса Бернхарда.

В первой главе автор монографии, выявляя специфику становления саморефлексивной поэтики Бернхарда, обращается к роману зрелого периода «Бетон». В нем особенно ярко обозначена экзистенциальная мотивация к творчеству: множественная травма писателя (личная, послевоенная и эпохальная травма «смерти Бога»), искажающая экзистенцию человека и его нарративную природу. Отсюда – герметичность артистического субъекта, смысловые провалы (казус «первого предложения», с. 27), минимализм прозы, апелляция к музыке как утопическому языку.

Человеческая экзистенция перетекает в текст, и, таким образом, текст понимается как самоуничтожение человека, как попытка избыть себя в тексте (с. 17). Главная стратегия творчества Бернхарда – его сосредоточенность на письме – переключает изображение окружающего мира в регистр рефлексии о человеке пишущем, в регистр письма. Поэтика трансформируется в поэтологию, а изобразительно-миметическая природа повествования мимикрирует

под абстрактно-выразительную природу музыки. Именно музыка, как «математическая загадка» искусства (с. 23), выступает спасением романного героя, наполняя бытие и наделяя его безусловным смыслом. Семантический ряд «музыка – литература – математика» исследуется в текстах Бернхарда «Амрас», «Дыхание: выбор», «Корректур», «Бетон».

Обширная вторая глава посвящена анализу лингвофилософских оснований литературного проекта модернизма и метафигуральной поэтики. Подробно описывается ситуация «критики языка» в западноевропейском литературном пространстве, когда жанр романа в полной мере реализует свой ресурс «самокритичности» (М. Бахтин).

Обстоятельно прослеживается модернистский генезис поэтики Бернхарда. В культуре позднего модерна Бернхард (как и Витгенштейн, Хайдеггер, Адорно, Музиль, Целан, Бахман) участвует в эпохальном проекте критики языка. Модернистская критика языка реализуется у Бернхарда как стилевое новаторство и авторская поэтика. Модернистский солипсизм, выраженный в персонологии, в сюжетах и стилистике романов, настойчиво-маниакальные поиски самости – всё это сопряжено с рождением уникального авторского письма Бернхарда, а именно: принципами построения фразы, выбором эмфатических языковых средств, многочисленными повторами и кружением текста вокруг понятий (смерть, жизнь, природа, наука, искусство), отбор протагониста (маргинал, художник-гений), предельная упрощенность сюжетов (с. 45).

В монографии особо акцентирует связь критики языка (от Ф. Ницше до представителей «негативной диалектики») с литературой модернизма, в частности, с творчеством Бернхарда (с. 66). Травматический опыт, разрушение коммуникативных связей, непригодность языка для выражения истины – отсюда поэтологическая тема лживости и фальши письма, «море отдельных слов», которые невозможно собрать в осмысленные предложения и составить убедительный текст – такова картина модернистского мироощущения. В контексте рассмотрения – знаковый текст «Письмо» Гуго фон Гофманстала, «Статьи по критике языка» Фрица Маутнера, акцентирующие идеи языка как инструмента «непонимания», издательский проект медиакритика Карла Крауса, пытающегося в своем сизифовом стремлении расчистить язык от информационного захламления, пьеса «Каспар» Петера Хандке, в которой пульсирует тоска по связной речи и внятной картине мира.

Ценные наблюдения В.В. Котелевской касаются проблемы смысловых искажений, решаемой в аспектах обновления художественных форм (новые авторские поэтики: параболический минимализм Кафки, монтажная поэтика Джойса, многосубъектная наррация Вулф, «беспредметная» поэтика Бернхарда и Беккета). Анатомируя сознание человека, живущего во «времена распада языка», Бернхард развивает модернистскую линию романа о художнике с его «антибюргерской праздностью» (с. 95) и творческим изоляционизмом.

Радикальному обновлению жанровых форм при интенсивном процессе саморефлексии искусства XX в. способствует и «вторжение» литературы на территорию других семиотических кодов. Так, из «духа времени» рождаются роман-коллаж (Джойс, Дёблин) и музыкализированный романский дискурс (Т. Манн, Бернхард, Елинек).

В третьей главе убедительно показано, что метапроза Бернхарда реализует безостановочную рефлексию слова над собственным рождением, обнаруживая типологически родственные формы в романном фрагменте (Монтень, Паскаль, Валери), в романе-эссе (Музиль, Брех), в «мерцательной»

прозе (Р. Вальзер, Вулф), в поэтике Беккета, деконструирующей предметный мир (с. 119). Метапроза модернистского этапа становления самосознающей прозы сосредоточена, главным образом, на феномене (творческого) сознания с его ярко выраженным солипсизмом и направленностью на «нарциссическое повествование» (роман о романе). Здесь В.В. Котелевская верно акцентирует амбивалентную эстетическую функцию метапрозы, обнаруживающей как признаки «литературы истощения», так и «литературы восполнения» (термины Дж. Барта).

Поэтологическая сущность метаромана обнаруживается в архетипическом сюжете блудного сына (Р. Вальзер, Янн, Вулф), в сюжетной ситуации «писатель на прогулке» (Хандке, Р. Вальзер, Бернхард), в солипсизме и протезизме модернистского героя-художника, творческая изоляция которого амбивалентно помогает «собирать себя» в рассказываемых историях и в то же время эти истории разрушать. В романе Бернхарда «Амрас» проявляется характерная для модернистской метапрозы редукция мимесиса (с. 181). Бессюжетность роднит прозу Бернхарда с прозой Беккета («Уотт», «Безмянный»); различает их, однако, характер риторизации: деконструктивная у Беккета и конструктивная у Бернхарда.

В четвертой главе исследуется метафигиональная природа ранних текстов «Стужа», «Амрас» и итогового романа «Изничтожение: Распад». Проблематизация целостности произведения (утрата и поиски новых оснований целостности) связывает Бернхарда с Томасом Манном (с. 195). Коллизия одновременной ностальгии по «старым добрым временам» и вместе с тем понимания невозможности достижения этой цельности наиболее отчетливо выражена в поэтике романа «Доктор Фаустус» Т. Манна.

Процессы разрушения сознания художника («смерть художника» как ключевой мотив модернистской метапрозы) стилистически воплощаются в романах Бернхарда «Стужа» и «Амрас». В.В. Котелевская выделяет здесь две модели метаромана – «позитивистскую» модель наблюдения за художником-гением, дистанцированное наблюдение («Стужа»), и «романтическую» модель, «вчувствование» («Амрас») (с. 208). Выделяется еще и третья модель, наиболее аутентичная стилевая форма Бернхарда, – это квазимузыкальный дискурс, сконструированный как «словесный эквивалент барочной полифонии». Очевидно, что полифония у Бернхарда становится формой преодоления хаоса и сложением новой целостности на иных, гетерономных основаниях.

Укажем на блестяще выполненный анализ поэтики романа «Стужа» с неизменным героем-наблюдателем. В романе обозначены центральные мотивы метапрозы Бернхарда (мотивы холода и тьмы, равнодушной природы, отвратительной телесности, мотив добровольной изоляции и крушение артистической карьеры), демонстрируется исходная интертекстуальная связь с текстом Паскаля «Мысли».

Подробно и обстоятельно анализируется роман «Амрас». Здесь прочтение истории «гибели одного семейства», находящегося под колпаком «семейного заклатья», осуществляется как в медицинском ключе, так и через интертекстуальные связи с идеями романтиков о причастности тела человека к универсуму, о «двойничестве», о романтическом типе художника, сочетающего в себе интеллектуально-абстрактное и конкретно-чувственное (Ф. Шлегель, Новалис, Жан-Поль).

Травматический опыт писателя сигнализирует о себе и в романе Бернхарда «Изничтожение: Распад». Текст романа исследуется как образцовая

модернистская история о травмированном субъекте-писателе, который конструирует себе идеального Другого в интеллектуальной текстуальной игре агонистического характера, дающей человеку опыт суверенного существования (Монтень, Паскаль, Жан-Поль, Кафка, Витгенштейн).

В заключительной главе выявляются интертекстуальные связи романа «Корректур» с Витгенштейном, который занимает в творчестве Бернхарда место Другого. Обстоятельно рассматривается свойственный поэтике Бернхарда изоморфизм между музыкальной, архитектурной и литературной формами (художественная реализация идей Витгенштейна). Отметим целостное видение исследователя В.В. Котелевской метапрозы Томаса Бернхарда. Последняя глава книги возвращает нас к исходной проблеме точного языкового описания мира (с. 323), центральной для всего творчества Бернхарда с фактом пересмотра логицистской модели мира в пользу модели языковых игр, а также констатации невозможности упорядочивания мира как текста. Здесь четко обозначена присущая всей метапрозе Бернхарда «одна, но пламенная страсть» – создать абсолютный текст, построить утопический дом, исполнить «абсолютную игру», создать тип художника-гения, одновременно стремящегося к совершенству и демонстрирующего безнадежность своих перфекционистских устремлений.

Добавим в рецензию и небольшую «ложку дегтя». В едином поле исследования автор монографии сводит романы, драмы и рассказы Бернхарда, исследуя сюжетно-тематические параллели и интертекстуальные вложения. Не согласимся, что метаструктура в романе равна метаструктуре в драме или даже в рассказе. Метаструктура романа устроена и функционирует иначе: она наполняет текст специфически романскими смыслами, например, усиливает и представляет в виде конкретной проблемы несовпадение героя с самим собой и/или может абсолютизировать «незавершенное настоящее романа» (М. Бахтин). Метароман выступает как специфическая художественная форма, чьи законы и возможности, а также место в общей системе жанров в настоящее время еще только начинают осмысляться.

В целом, плотный, удивительно красивый и живой текст монографического исследования В.В. Котелевской завораживает тщательностью разработки деталей и универсальностью обобщений. По своим задачам, уровню исполнения, зрелости рассуждения и глубины рассмотрения проблемных вопросов западноевропейской литературы XX в. монография В.В. Котелевской вносит значительный вклад в отечественное литературоведение и, несомненно, будет востребована в дальнейших исследованиях. Благодарим автора за прекрасную книгу, которая расширяет круг ассоциаций, возможностей и контекстов осмысления уникального австрийского феномена «Томас Бернхард и его проза».

Г.В. Кучумова,
доктор филол. наук,
Самарский национальный
исследовательский университет
им. академика С.П. Королёва